«ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»: ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

А.В. ПРОКОФЬЕВ

Не так давно Патриарх Российской Православной Церкви Кирилл высказался в том духе, что дискуссия по поводу курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), использовавшаяся «для столкновения верующих с неверующими, для провокации каких-то конфликтов», «практически завершена» и пришло время для реализации уже принятых решений. Мысль, достойная сожаления. В идеале дискуссия должна сопровождать осуществление любого общественно значимого проекта от его инициации до самых последних этапов осуществления. Впрочем, раз этот курс внедряется в порядке эксперимента, то период споров заведомо еще не закончен.

ОРКСЭ является образовательным проектом, возникшим в результате попыток найти оптимальные способы сотрудничества государства и конфессий в деле совершенствования общества. Это «общее дело» неоднократно обсуждалось в течение последнего года и стороны неоднократно формулировали в ходе обсуждения свои отправные посылы и цели. В этой небольшой статье я попытаюсь проанализировать то, в какой мере открыто сформулированные ими цели соответствуют уже получившим путевку в жизнь средствам их воплощения.

Запрос государства

Исходный пункт для государства в диалоге с конфессиями – кризис «общественной морали», кризис моральных механизмов, обеспечивающих малоконфликтную и продуктивную общественную жизнь. Если отталкиваться от выступления Президента РФ на совместном заседании Государственного совета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями, проходившем в Туле в марте 2009 г.¹, то основой для таких механизмов государство считает «религиозные традиции народов России», содержащие в себе «гуманистическую составляющую». В этих традициях воплощены следующие ценности: «Идеалы гражданского мира, взаимодействия людей разных культур, взаимодействия по вопросам защиты страны, патриотизма, создания нормальной, полноценной, крепкой семьи, честного труда, сострадания к ближнему».

Была ли советская идеология, тоже содержащая в себе определенную «гуманистическую составляющую», продолжением этих традиций или их прерыванием, из выступления не ясно. В качестве отправного момента при описании нынешних духовно-нравственных проблем общества выступает не она, а постсоветский «ценностный вакуум» («утрата ценностных ориентиров»). Это не случайно, поскольку современная государственная идеология России относится к советскому наследию все более и более благосклонно, а позиция религиозных конфессий в целом остается иной. «Ценностный вакуум» постсоветской эпохи – вполне подходящий источник проблем, позволяющий государственным чиновникам и религиозным лидерам обсуждать эти проблемы в качестве общих. Итак, основа «общественной морали» – религиозные традиции – оказались недостаточно влиятельными и эффективными в условиях «ценностного вакуума».

Каковы последствия кризиса «общественной морали»? В части, касающейся молодежи, положение которой служит основным предметом коммуникации между властью и религиозными объединениями, они таковы:

- а) распространение экстремизма;
- б) распространение саморазрушительных практик (алкоголизм, наркомания и т.д.);
- в) распад института семьи (в тульском выступлении Президента акцентированы демографические последствия этого процесса),
- г) криминализация молодежной среды (в выступлении – в основном в связи с влиянием мирового экономического кризиса последних двух лет),
- д) духовный упадок и пессимизм (в том числе, неверие в «возможности государства»).

Возникает вопрос: как может быть преодолен социально-нравственный кризис? В рамках построенной президентом схемы общее направление ответа очевидно: религиозно-нравственные традиции (безальтернативное основание «общественной морали») могут быть активизированы только религиозными объединениями. Задача государства состоит в том, чтобы выяснить степень их готовности взять на себя такую работу и максимально облегчить ее в организационном отношении.

Ответ конфессий

За отсутствием достаточного пространства я ограничусь примером РПЦ, точнее, позицией Патриарха Кирилла в выступлении

ях, связанных с подготовкой курса². Совершенно очевидно, что именно РПЦ является локомотивом этого процесса и предлагает заметно более развернутую аргументацию, чем другие религиозные объединения.

В качестве отправной посылки для ответа на запрос государства Патриарх использовал тезис о специализированном воспитательном воздействии на человека как таком средстве создания благоприятной общественной среды, которое не может быть заменено иными (структурными, социально-экономическими) мерами. «Как верно заметил Денис Иванович Фонвизин, молодой человек подобен воску. Именно поэтому поддержка молодых людей не должна сводиться исключительно к материальной помощи, хотя материальная помощь тоже очень важна. Но не менее важно, а, может быть, более важно воспитывать настоящего человека, воспитывать личность самостоятельную, думающую, трудящуюся и понимающую, что такое долг и что такое нравственность». Это положение должно быть применено в первую очередь к системе образования, которая подобные функции во многом потеряла: «Образовательный процесс без воспитания то же самое, что тело без души. Бессмысленны усилия педагогов, не радеющих о воспитании молодежи. Ведь даже самые полезные знания невоспитанный, безнравственный человек легко может употребить во вред себе и окружающим».

Решение воспитательных задач в российских условиях позволяет, по мнению Патриарха, опереться на мощный аксиологический и идеологический ресурс. В отношении к Православию Патриарх выразил эту мысль словами неназванного руководителя одного из европейских государств: «У вас исторически сложилась очень полезная для государства система. У вас есть Церковь большинства, к которой государство может обращаться в тех ситуациях, особенно кризисных, когда требуется мобилизация народа». В более широком контексте речь идет не только о Православии, а о единой «народной аксиологии» или «национальном мышлении». Они сохраняют глубокую укорененность в сознании россиян, хотя и подвергаются множеству современных «вызовов», и по многим позициям противостоят либеральной системе ценностей. «В нашем национальном мышлении... не утрачено понимание важности воспитания человека в духе любви к Отечеству, в способности принести себя в жертву народу и своим ближним. Но если мы с вами будем последовательно осуществлять либеральные идеи не только в области экономики (здесь либерализм является важным фактором,

хотя тоже не безусловным, с оговорками), но и в формировании нравственного общественного сознания, то мы на выходе будем иметь слабого человека, который не защитит ни Родину, ни своего ближнего». В своем позитивном выражении, т.е. вне противопоставления либерализму и таким свойствам современного западного европейца, как ориентация на «успех, благополучие и комфорт», отсутствие «пассионарности» и т.д., «аксиология нашего народа» включает такие ценности, как «патриотизм, уважение к старшим, добросовестное отношение к труду, защита окружающей среды, сочетание нравственности со всеми сферами человеческой жизни: с профессиональной, с творческой, с бизнесом».

Один из способов задействовать упомянутый выше ресурс — внедрение религиозно-нравственных традиций в государственную систему образования. Курс основ религиозных культур, предполагающий для неверующих возможность выбора в пользу изучения светской этики, выступает в качестве действенного средства возрождения воспитательных функций российской школы. Обоснование его эффективности осуществляется Патриархом на основе представленной в разных выступлениях метафоры оптической когерентности. Ее смысл состоит в том, что многообразие мотивационных посылок (преимущественно религиозных) поддерживает и усиливает единую систему ценностей — ту самую «народную аксиологию». «Система ценностей должна быть общая. Мотивации различные: для православного человека более убедительна православная мотивация, для мусульманина — мусульманская, а для неверующего человека — светская. Но движение должно быть направлено к одной цели, подобно когерентному лучу.. Формируя из разных потоков единый мощный энергетический поток, лазер обеспечивает на выходе когерентный луч. То же самое мы должны сделать в школе. Изначальные потоки могут быть различные... а на выходе мы должны иметь человека, воспитанного в единой системе ценностей, — никакой дихотомии, никакой шизофрении быть не может». По контексту рассуждения Патриарха можно сделать вывод, что светская традиция России полностью соответствует «народной аксиологии» и «национальному мышлению», расходясь при этом с либеральной светской традицией современной Западной Европы.

Контурь образовательного проекта

В результате государственно-церковного диалога была разработана нормативная основа эксперимента по преподаванию курса

ОРКСЭ в ряде регионов России в 4 и 5 классах в течение двух четвертей. Целевой компонент курса предполагает «формирование у младшего подросткового возраст мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений». Курс характеризуется как культурологический, но при этом призванный развить у школьников «сопричастность» к нравственным идеалам и ценностям, «составляющим основу религиозных и светских традиций многонациональной культуры России». Развитие сопричастности к отдельной традиции в качестве цели не декларируется. Курс включает в себя шесть модулей (*Основы православной культуры, Основы исламской культуры, Основы буддийской культуры, Основы иудейской культуры, Основы мировых религиозных культур, Основы светской этики*), один из которых изучается с согласия обучающегося и по выбору его родителей (законных представителей)³.

Оценка проекта

Диагноз российскому обществу, сформулированный представителями российской власти и религиозных объединений, вряд ли можно поставить под сомнение. Недостаток мотивации, связанной с честностью, порядочностью, состраданием, готовностью принимать во внимание общественное благо и прямо следовать ему, налицо. Он ведет к трагическим последствиям в межличностных отношениях, в сфере делового партнерства и конкуренции, в деятельности по управлению обществом. Каждый, кто живет в России, чувствует это на себе. Статистика (от той, что фиксирует уровень преступности и коррупции, до той, которая касается производительности труда) вполне подтверждает личные ощущения. В нашей стране жить трудно, неудобно и рискованно. Тенденцию, являющуюся почти традицией, необходимо переломить. Для сохранения точности диагноза можно было бы заметить, что многократно подчеркиваемая Патриархом опасность снижения готовности принести себя в жертву народу (Родине) не является здесь центральной. Сбои в этическом саморегулировании граждан, от которых страдает наше общество, касаются разных уровней и разных аспектов нравственной нормативности. Сомневаюсь, что ключевая проблема страны состоит в потере ее гражданами способности к героизму, тем более, к патриотическому героизму. Потеря способности к банальным самоограничениям и повседневно-

му состраданию, может оказаться гораздо более разрушительной. Но как бы то ни было, подобная разница акцентов не устраняет обоснованности основной констатации. Кризис общественной морали – это та реальность, внутри которой все мы существуем.

А вот причины нынешних трудностей и глубже, и сложнее, чем постсоветский ценностный вакуум и даже наследие советских времен. Часть проблем этического саморегулирования связана с общемировыми культурными тенденциями: общество атомизируется и одновременно функционально усложняется, идентичность современного человека приобретает мозаичный и прерывистый характер. Существенно изменился, почти распался индивидуальный субъект принятия решений, потеряли свою однозначность его нормативные ориентиры. Другая часть проблем действительно сформирована переходным состоянием российского общества и обилием факторов, которые провоцируют «преступание границ» в виде соблазнов или в виде труднопереносимых тягот. Однако нынешнее положение является также продуктом характерных для России не 30 и даже не 100 последних лет особенностей социальной культуры и массового правосознания. Значительная часть современных проблем – это не следствие новых «вызовов» «национальному мышлению» и «народной аксиологии», а их прямое и непосредственное выражение, выражение недопредставленности некоторых ценностей в «религиозно-нравственных» традициях страны. Реальный воспитательный ресурс последних, их возможности в деле осуществления благотворных изменений в обществе определяются, в том числе и тем, насколько сами эти традиции способны к самокритике, развитию и совершенствованию. Данное измерение нынешних трудностей полностью выпало из осуществляющегося государственно-церковного диалога.

Это, конечно, не убивает саму идею, которую Патриарх обозначил как «церковно-государственное сотрудничество (сотрудничество)». На мой взгляд, эта идея имеет вполне очевидный позитивный смысл в связи с некоторыми особенностями функционирования нравственных ценностей и императивов в общественном пространстве. По мнению ряда современных исследователей, работающих в сфере социальной этики и выражающих при этом определенную степень сомнения по отношению к прямолинейным проявлениям либерализма, реализация универсальных нравственных ценностей может быть успешной только при наличии неких опосредствующих, медирующих структур партикулярного характера. В социальном отношении такой структурой является

сообщество, в нормативном, или ценностном – традиция. Если на уровне отдельных индивидов можно представить себе (и реально зафиксировать) достаточно мощное прямое притяжение фундаментальных нравственных принципов, то их реализация в социальном макроконтексте немислима без опоры на конкретные нравственные традиции, на включенность людей в разного рода сообщества, каждое из которых исторично и ограничено. Я вполне согласен с тезисом американского этика-коммунитариста А. Этциони о том, что именно такие сообщества служат основой «моральной экологии» социума, и что долг каждого поколения по отношению к последующим состоит в том, чтобы сохранять и улучшать социальную окружающую среду⁴. При этом надо иметь в виду, что традиции могут быть не только религиозными, а сообщества могут иметь самые разные основания: от территории проживания людей до их профессиональной принадлежности. Но в любом случае, тот, кто заинтересован в действенности морального саморегулирования и в реализации на этой основе идеи справедливого, «хорошего», «отзывчивого» общества, тот заинтересован также в цивилизованной, неэкстремистской, взаимноуважительной рекоммунализации и ретрадиционализации современной общественной жизни.

В этом смысле идея Патриарха о «когерентности» традиций не лишена привлекательности. Если, конечно, перед нами действительно живые и влиятельные традиции, способные пронизывать тело общества сетью локальных сообществ. И если они способны к толерантности, к ограничению своего стремления получить исключительный статус за счет государственной поддержки или государственного ограничения конкурентов. Можно добавить и еще одно «если»: если государство, озабоченное нравственным состоянием общества, не исходит из мысли о сотрудничестве с конфессиями как главном способе решения таких проблем.

В какой мере двухчетвертной модульный курс ОРКСЭ отвечает подобной диспозиции? По этому поводу есть глубокие сомнения. Преподавание курсов, имеющих прямую воспитательную направленность в рамках системы школьного, да и вузовского образования – дело исключительно тонкое и неопределенное (негарантированное) по своей эффективности. Успешное достижение воспитательных целей оказывается возможным лишь при условии привлечения обучающихся к обсуждению неоднозначных практических ситуаций (дилемм), при условии личностной вовлеченности и виртуозного умения дирижировать таким обсуждением со

стороны учителя, при наличии у него высокого индивидуального авторитета и, одновременно, чрезвычайно развитого чувства такта, которое позволяет избежать отталкивающих любую аудиторию эффектов нравоучительности. В противном случае, ничего кроме отторжения от учебных курсов, призванных сформировать «сопричастность» к ценностям, получить нельзя. Можно лишь повторить историю политинформаций и этики и психологии семейной жизни позднесоветской эпохи. В этом смысле довольно странным выглядит настойчивое стремление традиционных конфессий реализовать проект, который увязывает нравственное воспитание с преподаванием *ознакомительно-культурологического* предмета *любым*, выделяемым школой светским педагогом, прошедшим краткий «курс молодого бойца».

Понятно, что в условиях отделения церкви от государства более амбициозные проекты внедрения религиозно-нравственных традиций в систему образования находились бы в противоречии с конституцией. Но данный проект попросту не отвечает заявленным целям, своей собственной идеологии. Патриарх ведет речь о том, что «Церковь ни в коем случае не стремится к механическому расширению своего влияния». Однако в проекте разработанного курса ОРКСЭ как раз проглядывает нечто подобное. То ли он должен «застолбить» место под что-то иное, более амбициозное, то ли призван стать внушительным, хотя и не ведущим к серьезным воспитательным результатам, знаком присутствия Церкви в государственной образовательной системе.

Если возвращаться к проблеме ретрадиционализации и рекоммунализации общества и к возможным благотворным последствиям такого процесса, то гораздо более соответствующими этой цели были бы образовательные проекты, осуществляющиеся не внутри, а параллельно государственной системе образования. В особенности были бы значимы начинания, идущие от местных общин и осуществляемые с их помощью. Они могли бы способствовать тому, чтобы статистика религиозной принадлежности российского населения (по словам Патриарха – 70% россиян православные) потеряла свой формальный, начетнический характер. В рамках таких образовательных проектов принцип добровольности, акцентируемый Патриархом («невольник – не богомольник») приобретает иное качество. Выбор между шестью номинациями обязательного курса не является «духовным событием», в отличие от посещения параллельной системы по личному почину ребенка или по согласованному с ним решению его

семьи. Кроме того, в рамках таких начинаний Церковь могла бы опереться на другие кадры, использовать другие образовательно-воспитательные возможности, заведомо закрытые в светской школе. Таковы *действительные* средства поддержания моральной мотивации на основе определенной религиозно-нравственной традиции. Проект ОРКСЭ в этом смысле – движение по пути наименьшего сопротивления, работа по принципу «сверху вниз» с использованием административного ресурса государства, а не духовного влияния Церкви. Кстати, результаты социологических опросов показывают, что большинство населения России одобряют введение этого предмета именно в формах, не предполагающих обязательности как в отношении содержания, так и в отношении посещения⁵.

Однако, имея в виду значимость традиций и сообществ для моральной экологии социума, государство могло бы найти формы взвешенной и рациональной поддержки структур религиозно-нравственного образования, находящихся за пределами школьной системы. Это была бы более адекватная форма предложенного Патриархом «сотрудничества».

Сказанное выше касалось поддержания нравственной мотивации. Однако запрос государства и ответ конфессий по поводу средств преодоления кризиса общественной морали затрагивали и другие проблемы. Среди них – создание условий для межкультурного диалога, взаимной терпимости, ограничения экстремистских проявлений религиозных традиций. В этом отношении курс ОРКСЭ также далеко не идеален. Министр образования в начале 2010 г. говорил о понимании другой культуры и уважении к ней как одном из основных результатов учебного курса⁶. Здравый смысл подсказывает, что достижение этого результата можно обеспечить: а) через знание друг друга, б) через актуализацию аксиологической общности.

Что можно сказать о первом пункте, если отталкиваться от набора модулей, их содержания и механизмов соединения-разъединения учебных групп? Представители четырех традиционных российских конфессий в ходе изучения курса получают информацию о других традициях только на вводном уроке и на уроках, посвященных представлению проектов учениками, которые изучали другие модули (таких уроков всего три, а модулей, как известно, шесть). Если же предположить, что учащимися школы были выбраны только модули о православии и светской этике или исламе и светской этике, а это очень вероятный вариант

для многих регионов России, то вопрос взаимного знания и понимания традиций просто снимается с повестки дня. Большинство традиций оказываются за пределами обмена информацией. Надо учесть еще и то, что ученики, изучающие светскую этику, изучают именно этику, а не какую-либо традицию в ее полноте (еще один примечательный дисбаланс). Таким образом, полноценно задаче взаимного познания отвечает только пятый модуль. Однако он будет мало представлен в российских школах и не служит укреплению мотивационных посылок. Католик или евангелический христианин получит в ходе его изучения минимальную информацию о собственной религиозно-нравственной традиции.

Второму пункту отвечает, прежде всего, шестой модуль. Именно с точки зрения этики, взятой вне зависимости от ее различных конфессиональных оснований, оказываются доступными критике антигуманные, экстремистские проявления отдельных традиций. В этом смысле очень показателен известный прецедент с этическим образованием в Берлине, где введение в 2006 г. обязательного преподавания светской этики — предмета, на котором могли бы обсуждаться общие ценности и принципы гражданского общежития — было связано с участвовавшими убийствами женщин из турецкой и иных мусульманских общин по соображениям чести, а также с положительным отношением к таким убийствам значительной части учащихся-мусульман⁷. Переход к обязательному изучению основ ислама вряд ли в той же мере отвечал бы вставшей перед властями Берлина проблеме.

В российском контексте (при условии учета всех трудностей эффективного преподавания воспитательных предметов) борьбе с антигуманными проявлениями религиозных убеждений также больше соответствовал бы курс этики, а не основ той или иной религиозной культуры. При этом дополнительное определение «светская» здесь вряд ли является обязательным, поскольку этика всегда переплетена с представлениями о «высшем», «надмирном», «трансцендентном» источнике ценностей. Если это определение все же сохраняется, то лишь для указания на отсутствие жесткой связи содержания курса с какой-то одной конфессией или исключительно с традиционными и организованными формами религиозности. Кстати, как это ни парадоксально, в обращении лидеров традиционных российских конфессий к Президенту России содержится рассуждение, являющееся основой скорее общего, немодульного курса этики, чем курса ОРКСЭ: «Полагаем, что школьники должны не только знакомиться с шедеврами

мировой и русской литературы и искусства, но, прежде всего, обретать устойчивые нравственные ориентиры, усваивать основополагающие нормы *достойной общественной жизни*. Нельзя стать полноценным гражданином государства и членом общества, не зная, что данные Богом заповеди: “не убий”, “не укради” и другие – обязательны для всех, *безотносительно к тому, верующий ты человек или неверующий*» (курсив мой. – А.П.)⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст выступления см.: URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/3403>.

² Для реконструкции позиции РПЦ использовались тексты выступлений Патриарха на Совместном заседании Государственного совета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ (11 марта 2009 г., URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/3403>), на Совещании по вопросам преподавания в школах основ религиозной культуры и светской этики и введения в Вооруженных Силах Российской Федерации института воинских и флотских священнослужителей (21 июля 2009 г., URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4863>) и в Российской академии государственной службы (29 декабря 2009 г., URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/980244.html>).

³ См.: Информационные материалы по апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» // URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/6951/10.04.01-orkse-info.pdf>.

⁴ Etzioni A. The Common Good. – Cambridge: Polity Press, 2004. – P. 28.

⁵ По данным опроса фонда «Общественное мнение» от 21 – 22 марта 2010 г., 11% россиян выступают против введения такого предмета, 20 – за его обязательную форму, 54 – за факультативную. Около 30% респондентов затруднились указать конкретные положительные стороны проекта (см.: Основы религии и светской этики в школе // Доминанты. 11 – 25 марта 2010 г. – С. 39 – 42. – URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d11orisevsh10.pdf>).

⁶ См.: Фурсенко А. Практический опыт и перспективы церковно-государственного сотрудничества в области образования (Материалы к выступлению А. Фурсенко на XVIII Международных Рождественских образовательных чтениях 25 января 2010 года. – URL: <http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/6603/>).

⁷ Непосредственным поводом стало убийство в 2005 г. Хатун Сюрючю, попытавшейся следовать образу жизни европейской женщины матери-одиночки, совершенное ее собственным братом (см.: Furlong R.: «Honour Killing» Shocks Germany (BBS News. 14 March 2005). – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4345459.stm>).

⁸ Обращение лидеров традиционных российских конфессий к Президенту России о преподавании в школах основ религиозной культуры и светской этики URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/07/220040.shtml>).

Аннотация

В статье подвергается этической экспертизе образовательный проект по внедрению школьного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Анализ программных заявлений руководства Российской Федерации и Российской Православной Церкви показывает, что курс призван способствовать церковно-государственному сотрудничеству в вопросах заполнения постсоветского «ценностного вакуума» и повышения социальной культуры населения страны. Однако характер курса исключает возможность эффективного решения этой задачи. Данное обстоятельство остро ставит вопрос об использовании иных средств преодоления кризиса общественной морали в России.

Ключевые слова: социальная этика, кризис общественной морали, «Основы религиозных культур и светской этики».

Summary

The paper deals with the ethical expertise of the educational project of installing into the school curriculum the new training course called «Fundamentals of Religious Culture and Secular Ethics». The analysis of declarations of Russian Government and Russian Orthodox Church reveals that the main goal of this project is to reinforce the church-state cooperation in the field of overcoming post-soviet «value vacuum» and improving the quality of Russian population's social culture. However the course is designed in such a way that it can not reach this goal effectively. This obvious fact actualizes the quest of other means for overcoming the crisis of social morality in Russia.

Keywords: social ethics, crisis of social morality, «Fundamentals of Religious Culture and Secular Ethics».